

УДК 336.741.2
ББК 65.011.3
А24

*Издание осуществлено
в рамках Программы помощи издательскому делу «Пушкин»
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и Посольства Франции в России*

ISBN 2-7381-0929-2 (фр.)
ISBN 5-7598-0312-3

© Editions Odile Jacob, 2002
© Егоров И.А., перевод с французского, 2006
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006

Оглавление

Предисловие.....	9
Глава I. Основополагающие процессы товарно-рыночного строя.....	13
Обновить отправную точку исследования Маркса.....	16
Признать необходимость процесса социализации... ..	20
...Чтобы осмыслить деньги	22
Между стоимостью и деньгами: приоритетный теоретический выбор	26
Осмыслить деньги — значит отказаться от дихотомии «все или ничего».....	30
Историческое происхождение денег versus теоретический генезис всеобщего эквивалента.....	35
Глава II. Товар и деньги: миметическая гипотеза	38
Товарный обмен	42
Отсутствие дифференциации на субъект и объект в архаическом обмене, регулируемом взаимностью.....	43
Товар	46
Пределы товарного отношения.....	49
Товарный индивидуализм	53
Разобшение	55
Заключение	57
Денежное отношение.....	59
Неудачная попытка ввести деньги в вальрасианскую теорию: Дон Патинкин.....	60
Неопределенность и редкость	64

Требование защиты и потребность в обществе.....	69
Богатство	71
Вопрос мены	74
Миметическая гипотеза.....	80
F1, или сущностное насилие	83
F3, или основообразующее насилие	86
Легитимность денег	90
Модель миметической конкуренции	92
Заключение	94
Глава III. Деньги и общество	103
Деньги — социальная реальность.....	103
Холистическая природа денег	105
Подход Зиммеля.....	109
Формы доверия	110
Функции денег	113
Счетная единица и абстракция	114
Средство обращения и централизация	115
Резервное средство и регулирование	119
Центральный банк	121
Заключение	125
Глава IV. Траектории денег	129
Деньги и счетная единица: прогресс абстракции	131
Деньги «докима»: власть государства	133
Большая гипербола денежной абстракции	136
Величие и упадок дуалистической системы	140
От дуалистической системы к системе конвертируемости	142
Появление системы самореферентной счетной единицы	144
Деньги и технология платежей: прогресс централизации.....	146
Денежные инновации средневековья: переводный вексель и долговые бумаги.....	147
Банковские деньги, закон оттока и системы многостороннего зачета.....	149

Появление центрального банка и проблема безопасности платежных систем.....	152
Современная иерархия платежей.....	154
Деньги и финансы: прогресс регулирования.....	158
Частные долги и сбои в платежных системах Древнего Рима.....	159
Широта и узость дуалистической системы.....	161
Валютный порядок и финансовое регулирование в системе конвертируемости.....	164
Подчиненный характер или преобладание денежной политики в системах национальных валют.....	167
Перспективы новых форм денег.....	171
Глава V. Денежные системы и их кризисы.....	173
Предпочтение ликвидности и производство.....	175
Денежные системы.....	185
Фракционированная система.....	185
Однородная система.....	189
Заключение.....	198
Частная ликвидность: финансы и банки.....	200
Финансовая ликвидность.....	204
Банковская ликвидность.....	211
Глава VI. Перипетии американской денежной политики.....	217
Денежная политика и проблема доверия.....	217
Кредитные кризисы и их разрешение: критические моменты для денежного регулирования.....	224
От дезинфляции к денежной политике новой экономики.....	236
Глава VII. Современные кризисы либерализованных финансов.....	248
Масштабные преобразования финансовой сферы в конце XX в.	249
Определяющие факторы финансовой глобализации.....	250
Финансовая логика в свете иерархических денежных систем.....	252
Источники фракционирования в финансовых системах: системный риск.....	254
Провалы в координации и кризисы доходности.....	256
Ликвидность и разрушение доверия.....	260

Банковские кризисы и кризисы на финансовых рынках.....	262
Нарушения межбанковских обязательств	264
Цепная реакция кризисов на финансовых рынках	267
Кредитные кризисы, неплатежеспособность банков и рецессии.....	277
Кредитор последней инстанции и суверенитет денег	285
Глава VIII. Денежные инновации и перспективы на рубеже тысячелетий.....	290
«Пришествие» электронных денег	291
Новое поколение платежных средств	294
Риски электронных денег	296
Рождение евро.....	299
Евро и рынки	300
Евро и нации	305
Евро и граждане	314
Проблемы и противоречия управления деньгами на мировом уровне.....	320
Финансовые структуры и валютные режимы.....	324
Предупреждение системных рисков	329
К международной системе управления финансовыми кризисами	333
Общее заключение	338
Библиография	344
Указатель обций	355

Предисловие

Побуждением к написанию книги послужило желание обновить работу «Насилие денег»¹. И не только потому, что эту работу-эссе, опубликованную в 1982 г. и не переиздававшуюся с 1984 г., теперь невозможно найти, а главным образом потому, что ее положения — по поводу денежного и финансового миметизма² — полностью сохраняют свое значение, хотя их до сих пор практически обходят молчанием. Утверждая это, мы нисколько не умаляем сдвигов в осмыслении этой проблематики: в 2002 г. положение далеко не то, что было в 1982 г. В то время идея о том, что подражание другому могло бы быть — в определенном контексте — рациональной формой поведения, шла вразрез с общепринятыми экономическими теориями. Тщетно было бы искать в теоретической литературе 1970-х гг. какие-либо статьи или модели, посвященные этому вопросу. По сути, имитация рассматривалась тогда экономистами как патологическая форма поведения и по этой причине исключалась из сферы научного исследования. Сегодня уже не так. Миметическая гипотеза уже полностью не отвергается, хотя до ее единодушной поддержки еще далеко. В ряде серьезных работ по финансовой сфере (и не только) было показано, что имитация может быть индивидуально рациональной, даже если она и ведет к социально неэффективным результатам. К тому же спекулятивный ажиотаж вокруг ценных бумаг новой экономики отчетливо продемонстрировал тем, кто хочет понять финансовую динамику, важность явлений моды и подражательства. Идея подражательного спекулятивного «пузыря» медленно, но верно прокладывает себе дорогу.

Если же обратиться к анализу собственно денег, то здесь положение не столь блестящее. В этой области продолжает преобладать подход, сводящий деньги к роли инструмента, облегчающего обмен. В таком понимании деньги следуют за товарами, как то, что облегчает сделки

---

¹ <См.: Aglietta M., Orléan A. La Violence de la monnaie. Paris: PUF, 1982.> Здесь и далее в угловых скобках приводятся пояснения и примечания переводчика.

² <От греческого μιμησις — подражание, стремление к точному отображению объекта. Например, скульптура — миметический вид искусства.>

и позволяет избегать трудностей, присущих товарообмену. Здесь не находит никакого отклика идея о том, что деньги являются не следствием рынка, а условием его существования. С этой точки зрения можно сказать, что миметическая гипотеза остается новой идеей.

Данная ситуация подтолкнула нас к мысли о переработке книги «Насилие денег» с тем большим основанием, что введение в обращение евро ставит проблему денег в самый центр экономических и политических дискуссий. Что такое деньги? При каких условиях они принимаются на длительный период времени? Таковы некоторые из фундаментальных вопросов, на которые крайне важно предложить верные ответы в связи с введением евро. В зависимости от того, склоняемся ли мы к инструментальной либо к миметической концепции денег, диагноз, касающийся европейской денежной архитектуры, видоизменяется, равно как разнятся и рекомендации по денежной политике.

Один из последних весомых аргументов в пользу первоначального проекта обновления книги «Насилие денег» обусловлен эволюцией наших собственных представлений в денежной области и возникшими в связи с этим вопросами. Мы имеем в виду прежде всего коллективную работу «Суверенные деньги»³, опубликованную нами в 1998 г. В ней изложены новые мысли, связанные главным образом с категориями денег, доверия и суверенитета. Тема миметизма возникает здесь лишь пунктирно. Это вызвало, естественно, много вопросов о той связи, которую следовало бы установить между нашим новым подходом и прежними представлениями. Различаются ли они, противоречат ли друг другу? Заменяет ли новая теория старую? Отказались ли мы от миметизма по Жирару в пользу первичного <primordiale> долга? Было крайне важно дать ответ на эти справедливые вопросы и показать, что эти два подхода, на наш взгляд, полностью дополняют друг друга. Миметический анализ денег и теория доверия должны пониматься как два элемента, относящиеся к одной и той же теоретической конструкции. Миметическая гипотеза дает теории доверия то микроэкономическое основание, которого ей так не хватает.

Опираясь на эти размышления и убеждения, мы и приступили к работе с участием Жерара Жорлана: нам хотелось обновить «Насилие денег», ни в чем не отказываясь от представленного там анализа, но изменяя его при необходимости, обогащая его новейшими результатами и исправляя некоторые неловкости стиля или хода рассуждений. Однако очень скоро выяснилось, что такая задача совершенно нереалистична.

---

³ <La Monnaie souveraine / M. Aglietta, A. Orléan (éds). Paris: Editions Odile Jacob, 1998.>

Внести необходимые изменения в рамки старой книги можно было лишь искусственно. Книга имеет собственное лицо и собственный стиль, которые невозможно изменить, не искажая ее целостного характера. Более того, история денег и финансов после 1982 г. богата эволюционными сдвигами и кризисами, которые следовало подвергнуть детальному изучению, с тем чтобы можно было судить, в чем они подтверждают либо опровергают наши прогнозы. Финансовая глобализация, связанные с ней изменения в финансовой политике и введение в обращение евро требовали новых размышлений, которые еще больше отдаляли нас от работы «Насилие денег». Вот почему постепенно укрепилась мысль о совершенно оригинальной книге, в которой была бы представлена в новом свете миметическая гипотеза, была бы показана ее связь с категориями доверия и суверенитета и которая опиралась бы — в своей эмпирической части — на последние сдвиги в денежной сфере. У вас в руках именно эта книга, которую нам и надо представить. Отметим, что в ней остались некоторые следы первоначального проекта в виде фрагментов из «Насилия денег» в самом начале главы I и в той части главы III, которая посвящена функциям денег.

Цель данной работы — продолжить дискуссию о деньгах, показать, что ставки в этой дискуссии велики и выходят за рамки интересов специалистов. Деньги — не только и даже не столько экономическое благо. Они в определенном смысле отражают общество в целом. Поэтому можно говорить, что их законность основана на суверенитете. Но очень часто комментаторы и граждане видят в деньгах только звонкую монету и банкноты, пригодные для операций купли-продажи. Они не понимают, что за этой благопристойной внешностью скрываются силы, способные перемолоть и индивидов, и нации. Положение Аргентины в начале 2002 г. как раз напомнило нам, что проблему денег нельзя переоценить.

Мы рассматриваем центральную для нас проблему денег в трех плоскостях. Во-первых, мы анализируем — с теоретической точки зрения — ту особую связь, которую можно обозначить как проблему доверия. Нет денег без доверия. Даже золото было фидуциарными деньгами. Доверие проистекает из разных источников, которые мы определяем следующим образом: повседневная практика, бдительность регулирующих властей, а также проект общества, предлагаемый гражданам. Мы различаем, следовательно, три формы доверия: методическую, иерархическую и этическую. Центральная роль, принадлежащая здесь социальным представлениям и моральной связи, доказывает, что чистой экономики не существует. Невозможно противопоставлять политику и экономическую рациональность.

Во-вторых, мы предлагаем новое прочтение истории денег. Здесь мы выносим на передний план протекающий в течение веков прогресс абстракции: денежная счетная единица утрачивает связь с металлом и становится всего лишь самоориентирующейся конвенцией <convention autoréférentielle>. Тем не менее она должна сохранять свою символическую нагрузку, дабы мобилизовать доверие членов сообщества. Одновременно формы регулирования подчиняются противоречивым силам и постоянно — с ходом времени — колеблются между двумя полюсами: централизацией и фракционированием. Признание этого глубинного дуализма является одним из выводов данной книги. В нем находит свое выражение амбивалентность, присущая денежному феномену: это «медииум» сплочения и умиротворения, но одновременно сфера борьбы за власть и источник насилия.

В-третьих, наше исследование позволяет по-новому взглянуть на денежную политику. Мы утверждаем, что ее конечная цель — поддержание доверия. Хотя определение номинальных величин и борьба с инфляцией являются необходимостью, тем не менее было бы ошибкой сводить к этому роль денежной политики. Обещание будущего процветания, тесно связанное с достижением полной занятости, и требование справедливости должны также приниматься во внимание, если мы хотим, чтобы деньги способствовали поддержанию социальной сплоченности. Опираясь на эту расширенную концепцию, мы даем свое толкование американской денежной политики за последние 50 лет.

При написании книги мы старались избегать жаргона и сугубо технических терминов, чтобы сделать исследование доступным для неспециалистов. Мы совершенно отказались от математического моделирования. Наше глубокое убеждение состоит в том, что преобразования в денежной сфере являются существенной составляющей эволюции индивидуалистических обществ, и важно, чтобы каждый понимал принципы этой эволюции. Анализ денег выходит далеко за рамки собственно экономики.

Глава I

Основополагающие процессы товарно-рыночного строя

Трудность в придании деньгам теоретического статуса лежит в самом основании политической экономии, а точнее, в понимании экономического субъекта. Это объяснили структуралисты, а до них — Маркс. В структуралистской проблематике, связанной с антропологией, в частности в трудах Леви-Стросса, Дюмезиля или Бенвениста, ясно показано, что такого субъекта нет. Элементарной единицей является *общественное отношение*; только оно позволяет понять силы сцепления сложного общества. Однако, отказавшись от выдвигания какой-либо концепции генезиса, структурализм обнаружил свою ограниченность. Он неспособен объяснить преобразования общества по той причине, что не определяет элементарное общественное отношение так, чтобы в каждом из них содержался собственный закон развития, способный производить более сложные общественные формы. Кроме того, элементарные отношения в том виде, как их формулирует структурализм, остаются тождественными самим себе; они не несут в себе никакого противоречивого начала. Объясняется это тем, что структуралисты отказываются рассматривать — в качестве предмета исследования — генезис и эволюцию общественных отношений, т.е. правил, запретов и норм, за которыми они признают, правда, обеспечение внутренней согласованности общества.

Так, у Леви-Стросса символизм правил родства в так называемых *архаических* обществах с самого начала понимается подобно лингвистической системе¹. Эти отношения полностью синхроничны. Они образуют структурную согласованность потому, что уподобляются чисто логическим правилам, устанавливающим символическую дифференциацию. Символический порядок отождествляется со статусом чело-

---

¹ Lévi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. Paris: PUF, 1949; Idem. Anthropologie structurale. Paris: Plon, 1958.

веческого коллектива. Этнолог с отвращением отвергает мысль о том, что эта дифференциация является объектом ужасной борьбы с недифференцированным состоянием, что сама эта борьба первостепенна и не имеет ничего символического, что она уходит корнями в смертоносное насилие. Вот почему при чтении этих трудов, вызывающих, впрочем, восхищение, ощущается некоторая неудовлетворенность, связанная с тем, что древним обществам приписывается состояние незыблемости.

В изучении товарно-рыночного общества, где видимая автономия экономических отношений считается обычно само собой разумеющейся, Маркс первым из великих мыслителей-экономистов ясно осознал данную проблему. Об этом говорит четкое определение отправного пункта его исследования: товар как противоречивое единство потребительной и меновой стоимости. Речь идет об элементарном отношении капиталистического общества. Однако это элементарное отношение только упоминается Марксом. Он не поясняет его, потребительная стоимость остается у него предпонятием. Несмотря на массу указаний на моральный и исторический характер потребностей, потребительная стоимость остается загадкой, поскольку она не понимается как общественное отношение. К тому же анализ Маркса, в центре которого находится категория трудовой стоимости, повторяет в основном металлическую теорию денег², подобную той, что предлагалась его предшественниками. У нас еще будет возможность вернуться к ней. Мы имеем здесь обедненную концепцию денег, не оставляющую никакого места для явлений доверия и суверенитета. По всем указанным причинам нам следует подходить к марксовой теории товарного хозяйства осторожно, «*cum grano salis*», как любил он сам говорить, конкретно оценивая ее в том или ином случае как убедительную, когда в ней ставится акцент на том факте, что товар — это общественное отношение, несущее в себе специфические противоречия, или же как жертву «золотого фетишизма», когда в ней отождествляются деньги и драгоценный металл. Нам представляется, что в анализе форм стоимости, представленном в первой главе «Капитала»³, несмотря на его

---

² Й. Шумпетер определяет «теоретический металллизм» как «теорию, согласно которой логически важно, чтобы деньги состояли из товара или были “обеспечены” некоторым товаром. Таким образом, логическим источником меновой ценности, или покупательной способности, денег является меновая ценность, или покупательная способность, этого товара, рассматриваемая независимо от его монетарной роли» (Schumpeter J. *Histoire de l'analyse économique*. Т. 1. Paris: Gallimard, 1983. P. 403—404. Здесь и далее цит. по: Шумпетер Й. *История экономического анализа*. Т. 1. СПб.: *Экономическая школа*, 2001. С. 376).

³ Marx K. *Le Capital*. Paris: Garnier-Flammarion, 1969. P. 41—76. Здесь и далее цит. по: Маркс К. *Капитал* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 43—93.

несовершенство и двусмысленность⁴, можно обнаружить настоящий разрыв с теорией ценности (стоимости)⁵.

Отмеченные несовершенства и двусмысленности повлияли на последователей Маркса. В то время как противоречие между потребительной и меновой стоимостью предшествует противоречиям, касающимся труда, вся марксистская традиция фактически исходит из этих последних. Именно эта неустранимая черта марксизма и объясняет, как он становится уязвимым для критики. За ним охотно признают наиболее глубокий анализ труда, но одновременно отмечают его неспособность к анализу желания. В ситуации такого теоретического вакуума торжествующий индивидуализм буржуазного общества, достигший своего апогея, сумел найти свой рациональный ответ в теории полезности-редкости. Действительно, вскоре после публикации главного труда Маркса *homo oeconomicus* получает научную респектабельность благодаря Вальрасу во Франции, Девонсу в Великобритании и Менгеру в Австрии. В то время как происходит перестройка экономической теории исходя из постулата об идеализированном индивидуальном поведении, судьба марксистского течения мысли складывается весьма неровно. Оно все время несет в себе следы великого исторического перелома, каким явилась российская революция. В течение многих десятилетий надежды, вызванные революцией, поддерживали оптимистическое суждение, высказанное Марксом о становлении человечества. Считая, что насилие истории целиком объясняется антагонизмами, рождаемыми разделением труда, марксизм слишком легко связывает устранение насилия с обобществлением производительных сил, которое присуще техническому прогрессу.

Поразительно, до какой степени и политическая экономия буржуазного направления, и политическая экономия социализма совпадают в прославлении технических достижений. Одни видят в технике сферу не имеющей границ деятельности на благо всех, даже если целые поколения и социальные группы отдадут при этом свою жизнь, теряют здоровье и достоинство. Другие убеждены в освободительной силе техники, которая должна сама собой взорвать устои старого общества и обеспечить рождение нового человека.

---

⁴ См.: Benetti C., Cartelier J. *Marchands, salariat et capitalistes*. Grenoble; Paris: PUG: Maspero, 1980. P. 141—163; Benetti C. *Economie monétaire et économie de troc: la question de l'unité de compte commune // Economie appliquée*. 1985. T. 38. N 1. P. 85—109. Исходя из скрупулезного анализа текста Маркса оба теоретика делают вывод о тупиковости такого подхода. Мы, со своей стороны, попытаемся показать, что из этого текста можно извлечь больше, хотя анализ Бенетти и Картелие представляется нам справедливым. Мы предлагаем не столько буквальный разбор текста, сколько реконструкцию, верную духу Маркса.

⁵ Этот вопрос развит в книге: Aglietta M., Orléan A. *La Violence de la monnaie*. Paris: PUF, 1982.

В конце прошлого века фрейдистская революция породила серьезные сомнения в подобном оптимизме, однако не помешала тому, что о нем продолжали невозмутимо заявлять и во время бойни двух мировых войн, ужасов Великой депрессии, распространения террористических политических режимов и голода после деколонизации. Но она поставила ключевой вопрос о теоретических основаниях такого оптимизма. Психологический анализ оспаривает психологические допущения индивидуалистической теории полезности-редкости. Неверно предполагать, что существует особое поле социальных связей, именуемых *экономическими* и подчиняющихся *рациональным* формам поведения, которые якобы независимы от бурных влечений подсознания. Что касается утверждения марксизмом освободительной перспективы классовой борьбы, какими бы ни были при этом масштабы насилия, то Фрейд противопоставляет ему инстинкт смерти в качестве антагонистического полюса, неразрывно связанного с удовольствием в динамической структуре человеческих желаний.

Обновить отправную точку исследования Маркса

Отказаться от гипотезы об идеализированном субъекте, этой исходной точки господствующей экономической теории⁶, с одной стороны, и, с другой — переосмыслить значение товарного обмена как элемен-

---

⁶ Экономическая теория не представляет собой однородного целого. Ее пронизывают весьма разные аналитические течения. Определения «господствующая», «стандартная», «ортодоксальная», «либеральная», «неоклассическая», «вальрасианская» или же «маржиналистская» используются в тексте для обозначения подхода, который доминирует в настоящее время в экономической мысли. Сам этот подход неоднороден, но все составляющие его течения разделяют ряд общих принципов: они исходят из рационального индивида, отрезанного от социального мира и стремящегося максимизировать свою полезность, т.е. из того, что называется *homo oeconomicus*, который вступает в отношения с другими экономическими субъектами только через посредство рынков. Этот теоретический подход может называться либеральным в том смысле, что его сторонники верят: 1) в способность рынков к саморегуляции благодаря гибкости цен; 2) в эффективность такой саморегуляции для эффективной организации экономики. Для приверженцев этих идей точкой отсчета служит вальрасианский подход (от имени Леона Вальраса, сформулировавшего его). Данный подход интересуется не одним или несколькими изолированными рынками, а всей совокупностью рынков данной экономики. Поэтому для его обозначения также говорят о теории общего равновесия. В рамках гипотезы о том, что эти рынки управляются чистой и совершенной конкуренцией, была показана возможность найти такую совокупность цен (одна цена для каждого из товаров), при которой все рынки будут одновременно в равновесии. Более того, данное равновесие является оптимальным в том смысле, как это определяет экономическая теория. Подчеркнем, что, не считая этих очень общих принципов, сам доминирующий подход неоднороден. В этом можно убедиться при рассмотрении порожденных им многочисленных теорий денег. Эти теории весьма различны — от количественной теории до моделей разных поколений и прогностических моде-

тарного общественного отношения — таковы задачи, решение которых необходимо для понимания сущности денег. Это также единственный способ понять производные явления: спекуляцию, кризисы, которые всегда частично повторяют друг друга, а частично уникальны, равно как двусмысленность государственного регулирования денежной сферы. Для осуществления этого амбициозного проекта мы опирались в первую очередь на работы Рене Жирара: его миметическая гипотеза дает основания для радикального обновления нашего понимания желаний и отношений⁷. Отсюда появляется возможность обосновать общую концепцию денег, важным следствием которой становится избавление марксовой теории форм стоимости от критических замечаний сторонников субъективной теории ценности. Это новое толкование Маркса в свете миметической теории образует сердцевину главы II.

Однако следует сразу же рассеять недоразумения, которые могли бы запутать читателей и подтолкнуть их к неверному пониманию наших намерений. основополагающая гипотеза Жирара не является отправной точкой, *ad hoc* <специально> предназначенной для изучения обществ прошлого. Это общий принцип хода мысли, пытающейся вскрыть суть общественных отношений и понять, почему эти отношения всегда принимают форму институтов, чтобы существовать во времени. Этот центральный, на наш взгляд, вопрос находит у Жирара оригинальное освещение: институт есть продукт насилия, которое возрастает, сосредоточиваясь на одном и том же объекте, что имеет неожиданным последствием трансформацию данного объекта в посредника, способного регулировать конфликты. Принятие этой гипотезы и выявление тех особых способов, какими она действует в экономическом поле, поз-

---

лей (если упомянуть лишь некоторые из их длинного перечня). Не следует забывать и о теории общего равновесия, даже если предлагаемая в ней концепция выглядит странной, ибо в ней рассматривается экономика без денег. Но все эти разные подходы объединяет, однако, идея, играющая ключевую роль в ортодоксальных взглядах на деньги, — идея нейтральности денег. Нейтральность означает, что реальные переменные, иначе говоря, переменные, действительно важные для агентов, — такие, как занятость, объем производства или количество потребляемых товаров, — не зависят от денег. Например, если денежная масса удваивается, то норма обмена стола на стул остается неизменной, так как обе цены, выраженные в деньгах, умножаются на два. В так называемой неортодоксальной экономике ставится акцент на роли институтов, в ней отрицается возможность саморегуляции рынков только через цены. Подчеркнем, что у отдельного автора или в отдельной модели могут присутствовать и «ортодоксальные», и «неортодоксальные» элементы. Разумеется, определение «ортодоксальный» или «неортодоксальный» никак не говорит о качестве полученных результатов или ходе рассуждений.

⁷ Все, что мы будем говорить о Рене Жираре, взято из его трех главных работ: Girard R. *Mensonge romantique et vérité romanesque*. Paris: Grasset, 1961; Idem. *La Violence et le Sacré*. Paris: Grasset, 1972; Idem. *Des choses cachées depuis la fondation du monde*. Paris: Grasset, 1978.

волят нам рассматривать процесс отбора-исключения денег в качестве центральной, первостепенной формы, в рамках которой насилие товарных отношений оказывается временно сдерживаемым <contenue>⁸. Мы не намерены использовать понятия, созданные Рене Жираром, в метафорическом смысле. Мы предлагаем теоретическую работу над этими понятиями, даже если приходится их видоизменять для получения аналитического инструментария, пригодного в экономической сфере.

Наш исходный пункт прямо противоположен позиции сторонников чистой экономики. Последние исходят из понятия экономического субъекта, вводимого для того, чтобы сделать рынок независимым от какой-либо социальной детерминации, никак не связанной с логикой, которую интериоризирует субъект. Для этих миссионеров экономического либерализма в голове каждого индивидуального субъекта всегда находится все общество в целом! Для нас же, напротив, никакой экономики не может быть вне сети институтов. Деньги — это первый из институтов в том смысле, который будет уточнен ниже. Гипотеза Рене Жирара имеет решающее значение для понимания природы человеческих институтов и логики их функционирования. Согласно этой гипотезе происхождение институтов связано с неистовством человеческого желания, а их нормализующее влияние на него — с внешним характером по отношению к напору желаний, которые сталкиваются и мешают друг другу. Как любопытна амбивалентность человеческих институтов! Мы увидим ниже, что именно она дает ключ к пониманию денег. Именно она несет в себе то, что отличает логику институтов от чистого межсубъектного соперничества, — суверенитет. Нельзя понять посредническую роль институтов, не пролив свет на тайну суверенитета и его атрибутов.

Из вышесказанного следует, что по отношению к субъективной теории ценности наша позиция иная, чем та, которую традиционно занимают экономисты. Среди тех, кто критикует ультралиберальные концепции экономики, есть люди, отвергающие любую теорию экономического субъекта. Другие же принимают аксиомы рационального субъекта, но критикуют искусственный характер представления обмена между субъектами. Действительно, дабы придти к совершенно однородной системе отношений эквивалентности между субъектами, необходимо прибегнуть, говоря метафорическим языком, к централизации, принимающей разные контуры: аукциониста, «невидимой руки» или

---

⁸ Как справедливо говорит Жан-Пьер Дюпои, глагол «contenir» следует понимать здесь в его двойном смысле: «сдерживать» и «содержать в себе» (Dupuy J.-P. *La Panique*. Paris: Les Empêcheurs de Penser en Rond, 1991. P. 70). <В русском языке эти два понятия передаются однокоренными словами с разными приставками: «сдерживать» и «содержать».>

квазиконтракта. Какой парадокс для хода мысли, которая претендует на построение социальных связей исходя из свободного взаимодействия субъективностей! «Недоброжелатели» даже задавались вопросом, не скрываются ли деньги за метафорической маской централизации⁹. Чистая экономика была бы в таком случае мистифицированной концепцией экономических отношений, жертвой вездесущности денежного института, который отсутствует в теории потому, что присутствует повсюду в экономической жизни!

Но чтобы довести эту идею до конца, не следует останавливаться на критике того, как господствующая парадигма представляет себе организацию информационных потоков между субъектами. Следует рассмотреть значение ее основополагающей гипотезы, определяющей субъекта и объект экономических отношений. Согласно этой гипотезе свободный, рациональный, автономный индивид может быть якобы определен еще до какой-либо связи с другим: важны только потребление и полезность, которую оно доставляет. Располагая полным перечнем персональных предпочтений, каждый субъект — по допущению в условиях полной независимости — выбирает корзину благ, которая принесет ему оптимальное удовлетворение. В рамках такого представления объект — это инертная вещь, любое благо, служащее исключительно для потребления. Ниже это отношение будет называться *объектным*, чтобы подчеркнуть, что оно ставит индивида перед лицом товаров без какого-либо иного посредничества, кроме как его собственного частного желания предмета (объекта), исключая какой-либо взгляд со стороны общества или других товарных субъектов.

В терминах аксиоматики, выражающей сущность экономического субъекта, выпуклость пространства индивидуального выбора и принцип оптимальности определяют субстанцию, получающую различные названия: «общая полезность», «оптимальность», «предпочтение». Таким образом, любой субъект может — абсолютно суверенно, вне какой-либо связи с другим — выбирать предметы (объекты). Следовательно, социальность не определяется через отношение к другим субъектам в качестве существенной черты самого субъекта, так что изолированный субъект вообще исключается. Социальность — это Рациональность, это формальная субстанция, которая, будучи общей для всех субъектов, не нарушает, однако, их полной независимости! Вот почему экономический дискурс — это дискурс обобщенного субъекта, потребителя, про-

---

⁹ См. по этому вопросу: Fradin J. *Fondements de la théorie néoclassique de l'échange*. Grenoble; Paris: PUG; Maspero, 1973. См. также: Bénassy J.-P. *Macroeconomie et théorie du déséquilibre*. Paris: Dunod, 1984.

изводителя, владельца фактора. Различие между субъектами является здесь совершенно случайным; оно находит свое основание в специфичности индивидуальных предпочтений, специфичности произвольной, относительно которой теории сказать нечего. Гипотеза, согласно которой каждый агент определяет себя в соответствии с правилами рационального выбора, предполагает однородность типов поведения, что теоретически существенно, поскольку в рамках такого видения именно она позволяет реализоваться товарной социальной связи.

Признать необходимость процесса социализации...

При подобном подходе к социальности противопоставление частного и общего, единичного и всеобщего считается, разумеется, несущественным. Он совместим лишь с крайне бедной концепцией социальных связей, поскольку экономические субъекты оказываются суверенными еще до вступления в эти связи. Мифический суверенитет изолированного потребителя — это образ, с которого начинаются все учебники, приобщающие к экономике. Затем приходит очередь *отношения обмена*. Оно определяется строго симметричным образом. Теоретики изо всех сил стараются стереть все то, что могло бы сохранить различия между субъектами. Если классическая физическая природа не терпит пустоты, то неоклассическая человеческая природа не терпит различия! Однородность всех субъектов гарантируется их желанием, поскольку все они, одни независимо от других, стремятся к состоянию блаженства, называемому «оптимум», в котором устранено всякое напряжение, от которого уже не исходит никакого импульса к движению. Различия, из-за которых оптимальное состояние может не достигаться, оказываются всего лишь второстепенными; они проявляются в содержании выбора. Функция обмена состоит в том, чтобы стереть этот последний остаток различий, перестраивая обладание предметами. В технических терминах, обмен обеспечивает равенство всех предельных норм замещения между благами для всех субъектов. Дойдя до этой точки, экономическая теория удовлетворила тем самым свою страсть к однородности. В состоянии общего равновесия все различия устранены. Остается только одинокая фигура единственного субъекта. Индивидуальное и социальное оказываются окончательно примиренными путем устранения напряжения, которое их соединяет. Индивидуальное растворилось в социальном, поскольку последнее уже содержится в сознании изолированного субъекта до какого-либо акта обмена.

Тот же самый результат может быть получен, разумеется, если мы заменим понятие полезности понятием общественного труда. В таком случае формальная субстанция, т.е. труд, сводимый к однородному измерению — времени, уже существует до акта обмена. Мы должны даже допустить, что это измерение человеческого труда есть основное измерение социальности и что оно существует до разделения труда. В этих мысленных рамках конкретные различия особых видов труда устраняются системой эквивалентностей между количествами общего труда. Однородный общественный труд выражает общее равновесие в форме системы нормальных стоимостей, от которой ничто не ускользает. Особые виды труда сводятся в *кванты* этого однородного труда. Здесь так же, как и в предшествующем случае, социальность мыслится лишь как фигура однородного, единого. *Она не является результатом процесса социализации; она всегда дана с самого начала.* То, что является общим для этих двух подходов, — это гипотеза, выявляющая формальную субстанцию, называемую экономистами стоимостью (ценностью), которая определяет отношения обмена. Когда мы переходим от полезности к общественному труду, мы изменяем анализ этой стоимости, но сохраняем главное — идею о том, что обмен есть результат стоимости.

Не составляет никакого сомнения, что толкование текста Маркса, при котором формы стоимости считаются второстепенными линиями анализа, неизбежно ведет к рикардианскому видению социальности, отличающемуся от вальрасианского видения только названием общего субъекта экономики¹⁰: в первом случае заранее предполагаемая однородность экономики воплощена в рабочем времени; во втором она достигается благодаря *априорной* соизмеримости полей выбора индивидов. В обоих случаях принцип однородности предшествует действительному обмену. Последний является не процессом социализации, а всего лишь видимостью социального единства, которое неявно предполагается существующим изначально. Общей для обоих подходов служит одна и та же исходная теоретическая точка зрения: стоимость мыслится как уже присутствующая социальная субстанция, лежащая в основе отношений обмена. Впрочем, эта общность теоретической точки зрения блестяще подтверждается и тем, что в обоих случаях из данных предпосылок невозможно вывести институты, и прежде всего — деньги. Жесткая дихо-

---

¹⁰ Истоки этого редукционизма мы находим, разумеется, в тексте самого Маркса. В его трудах гегельянская концепция движения форм сталкивается с натуралистической концепцией труда. Последняя берет верх в работах Энгельса, остается доминирующей у немецкой социал-демократии в лице Бернштейна и Каутского, становится предметом острых споров во время российской революции и, в конечном счете, кодифицируется в политической экономии социализма.

томия между теорией ценности, составляющей основу чистой экономики, и исследованием денежных явлений, оставляемым на усмотрение эмпиризма, следующего за обстоятельствами и высокопарно именуемого *количественной теорией денег*, характеризует западную экономическую мысль начиная с XVIII в. Данный дефект не вызывает удивления. Ни свободный и независимый субъект, ни общественный труд не нуждаются в социализации, поскольку и субъект, и труд, по предположению, выражают социальную субстанцию в соответствии с определением, которое дает ей теория стоимости в том и другом случае.

Однако теоретическая точка зрения на деньги может быть убедительной, только если мы признаем в этой таинственной вещи процесс социализации, *par excellence* <преимущественно> характерный для обществ с товарными отношениями. Данный подход порывает с различными формулировками закона стоимости. Деньги порождают отдельных экономических субъектов потому, что они в корне отличны от этих последних. Через посредство денег субъекты поддерживают отношения с чем-то иным, чем они сами, — *социальным, выступающим в качестве института*. Концепции чистой экономики накладывают, следовательно, на деньги печать лишь чего-то несущественного. Деньги врываются в чистую экономику из какого-то иного пространства, которое невозможно определить теоретически, поскольку чистая экономика — это закрытый мир. Нельзя найти этому лучшей иллюстрации, чем та, что предложил Милтон Фридмен в образе денег, сбрасываемых с вертолета. Однако, дабы экзотенные деньги ненароком не нарушили гармонию рынков, они должны в обязательном порядке оставаться нейтральными. Это достигается путем введения в логику, исключаящую время, метафизической концепции времени. Деньги нейтральны... в долгосрочной перспективе! Что такое долгосрочная перспектива? Время, по истечении которого деньги становятся нейтральными!

... Чтобы осмыслить деньги

В конечном счете теоретическое определение денег возможно лишь в том случае, если обмен понимается как процесс социализации, который заранее не предполагает социальной субстанции. Это полное изменение хода рассуждения ясно видно при сравнении исходных пунктов анализа элементарного отношения обмена у Маркса и Вальраса.

Вальрас сразу же встает на точку зрения, внешнюю по отношению к двум обменивающимся лицам, и тем самым закрывает всякую

возможность теоретической реконструкции процесса, который сделал бы эту точку зрения обоснованной. Однако он хочет представить обмен исходя из самого обмена. И тогда он наталкивается на трудность, которая его зачаровывает. Отношение обмена предстает перед ним как строго симметричное; ничто не может различить двух обменивающихся лиц. Спрос одного есть предложение другого, и наоборот. На этой основе совершенно невозможно определить функции предложения и спроса. Проявляется только тождественность обменивающихся лиц, а само отношение — это чистое число, найти которое понятным образом невозможно. Такое отношение — мы увидим это при изучении формы $F1$ — это чистое миметическое отношение, которое Рене Жиар называет «отношением двойников». Оно выражает не гармонию устойчивого отношения, а, напротив, высшую степень кризиса, когда все смешивается, когда царит крайняя недетерминированность. Поэтому неудивительно, что Вальрас не смог таким путем определить отношение обмена. Чтобы сделать это, он вынужден тайком ввести то, что Эджуорт сделает явным образом: вынужден наделить обменивающихся лиц статусом рациональных субъектов, уже обладающих своими системами предпочтений, т.е. отступить на позицию объектной концепции желания, значение которой мы показали выше. И тогда можно построить кривую контрактов, и обмен оказывается всего лишь симулякрм заранее существующей социальности субъектов. Рассмотрим эту конструкцию, лежащую в основе ортодоксальной экономической теории. Это позволит нам точнее определить наш собственный замысел.

В данных теоретических рамках важную роль играет гипотеза, которую Карло Бенетти и Жан Картелье называют *гипотезой номенклатуры*¹¹, а именно: возможность определить *ex ante* перечень благ, подлежащих обмену. Перечень, состоящий из элементарных благ, обладающих, по предположению, однородным качеством, полностью известен всем обменивающимся лицам. Мы видим здесь отправную точку всех учебников по микроэкономике. Несмотря на систематическое использование этого положения в неоклассической теории, ему уделено крайне мало внимания. Можно даже сказать, что размышлений на эту тему нет совсем, если исключить нескольких неортодоксальных теоретиков. Отсутствие интереса оправдывается тем, что об этом не стоит якобы и говорить, поскольку здесь все очевидно. Речь якобы идет о том, чтобы просто-напросто описать предметы, существующие на данный момент

---

¹¹ «[Гипотеза номенклатуры] сводится к предположению о возможности описания совокупности вещей, называемых благами или товарами, еще до обоснования каких-либо положений относительно общества» (Benetti C., Cartelier J. Op. cit. P. 94).

времени, а такое описание неизбежно, коль скоро мы интересуемся обменом и предполагаем, что оно никак не влияет на будущую теоретическую конструкцию. Трудно представить себе такую нелепость, ведущую к самым серьезным последствиям: гипотеза номенклатуры далеко не безобидна, она неизбежно приводит к неполноценному анализу обмена. Ее изначальная хитрость — и ее внутренняя граница — состоит в том, что анализ потребительной стоимости выносится за пределы теоретического поля, чтобы рассматривать стоимость только как естественную характеристику, которая свойственна предметам и может быть описана независимо от какого-либо учета общественных отношений обмена. В свете этой гипотезы мир предметов — это нечто вроде «резервуара полезности», который уже имеется в наличии и который свободно доступен для удовлетворения потребностей людей и необходимых в связи с этим сделок.

Подобное допущение не может не вести к поверхностному анализу общества с товарными отношениями. В этом случае полностью пренебрегают регулирующей ролью, которую играет производство потребительных стоимостей, и необоснованно сосредоточивают внимание только на движении цен. Такому подходу совершенно чужда мысль о том, что потребительная стоимость есть результат особого вида общественного труда, анализ которого (если мы хотим понять логику товарных отношений) столь же важен, как и анализ детерминации цен. Ведь изобретение новых товаров, несущих с собой новый образ жизни, представляет собой для исследователя гораздо более значимую динамику в истории капитализма, нежели простая эволюция цен. Выработка норм потребления дает индивидам точки отсчета и опосредствования, играющие центральную роль в формировании товарного строя. Осмысление того, как протекает этот процесс, требует теоретических рамок, в которых потребительная стоимость не выводится *a priori* за пределы мира социального в разряд малозначимой природной данности.

К тому же предположение, что качества благ есть объективные факты природы, ведет к постулату, что их характеристики известны всем наблюдателям и являются объектом всеобщего знания. Здесь также мы имеем дело с позицией, ведущей к серьезным последствиям, поскольку *ipso facto* <фактически> она наделяет агентов множеством общих для них ориентиров, благодаря которым они смогут взаимно координировать свои действия. Как видим, неоклассическая теория далека от того, чтобы принимать в качестве отправной точки свободное от какой-либо социальной связи пространство, она строит свой анализ обмена, помещая с самого начала обменивающихся лиц в социальный мир, который

уже структурирован с помощью общего языка — языка предметов, который задает предпосылка номенклатуры.

Такой подход к вопросу обмена доводится до логического конца благодаря новой гипотезе, состоящей в том, что индивидуальные стратегии находят на этом языке свою естественную форму выражения. Действительно, предполагается, что каждое обменивающееся лицо стремится максимизировать объективную функцию (которую называют его полезностью), переменные которой — это количества различных благ, четко определенных с помощью гипотезы номенклатуры. Неоклассический индивид, пресловутый *homo aeconomicus*, определяется, следовательно, с самого начала в рамках такого отношения к предметам, которое является устойчивым и подчиненным ему. Здесь нет никаких блужданий, никакой неопределенности, никакого соревнования с другими. Индивид суверенен и автономен в том смысле, что он полностью господствует над законом своего желания. Он — существо транспарентное, и его абсолютное самообладание выражается в наличии комплекса устойчивых предпочтений, который определяется исключительно в терминах количеств потребляемых товаров без какого-либо упоминания других субъектов и их собственного потребительского выбора. *Homo aeconomicus* не чувствует никакой зависти; в нем нет никакой жадности социального признания: «полнота» вальрасианского субъекта выражается в его полном безразличии к другим. Для него важно только уединенное потребление товаров. Никакие другие узы не привязывают его к обществу. На противоположном полюсе, как мы увидим ниже, царят нерешительность и постоянный поиск признания, что характеризует индивида по Жируару. Дабы обрести мир, ему недостаточно одного только потребления товаров.

Чтобы завершить анализ теоретического подхода, доминирующего сегодня в экономической мысли, добавим, что третья и последняя гипотеза делает из *homo aeconomicus* существо расчетливое и мудрое, существо разумное в своей основе, осуждающее излишества в чем бы то ни было: ему абсолютно чужда бесконечность желания. Речь идет о том, что называется принципом убывающей предельной полезности, который постулирует, что желание потреблять исчерпывается по мере того, как растет потребленное количество. Отсюда понятно, что не так-то легко заключить деньги в подобные аналитические рамки. К тому же этот принцип говорит нам, что отношение *homo aeconomicus* к товарам не нарушается каким бы то ни было фетишизмом: он всегда готов отказаться от потребления какого угодно блага x , как только ему предлагают благо y со сравнимыми характеристиками. Нельзя представить себе более спокойной, без всякого невроза, связи с предметами. Предметы служат разумным и умеренным потребностям. Очевидно, что тот, кто

принимает всерьез *homo oeconomicus*, должен видеть в нем не современного человека, погруженного в конкурентную борьбу, живущего с чувством неуверенности в других, а продукт очень высокой цивилизации, человека, предавшегося настоящей аскезе, благодаря которой он окончательно освободился от страсти по отношению к другим. Как всегда и в противовес своим собственным претензиям неоклассическая экономическая теория никоим образом не является объективным описанием мира. Она конструирует будущий мир, пришествие которого она старается ускорить собственным анализом. Эта утопия легко узнается как утопия торжествующего индивидуализма. Отношения между людьми, источник подчинения и принуждения, из нее полностью уходят, уступая место исключительно отношениям к предметам в пространстве формальной свободы и бесконечной технической гонки. Товарный фетишизм доводится здесь до своего пароксизма.

Между стоимостью и деньгами: приоритетный теоретический выбор

Итак, данные аналитические рамки (служащие, однако, обязательной отправной точкой всей ортодоксальной экономической мысли) совершенно не пригодны для осмысления обмена и денег. Выявленные нами выше три основополагающие гипотезы (а именно: гипотеза номенклатуры, постулат о стабильности и суверенности системы предпочтений и принцип убывающей полезности) рисуют нам мир, где социальные связи уже прочно установлены: товары даны и прекрасно известны всем действующим лицам, каждый из них знает, что хочет, не желая при этом лишнего, и заявляет, что готов рационально выбрать между меньшим количеством одного товара и большим другого. В таких условиях совершенно неудивительно достижение согласия между обменивающимися лицами. Было бы удивительно, если бы этого не случилось. Сделано все, чтобы так и было. Возможность общего равновесия на всех рынках заключена в исходных предположениях. Поэтому нам представляется необоснованным тезис о том, что это равновесие связано якобы с действием конкурентных сил и ценового механизма. Чтобы гибкость цен могла произвести тот удовлетворительный эффект, который приписывает ей либеральная теория, необходимо еще, чтобы институциональные рамки, в которых она проявляется, были структурированы адекватным образом. Российский пример убедительно показал, что без таких институтов динамика цен совершенно не в состоянии

дать социальный оптимум, например оптимум по Парето. Если соответствующие институциональные условия не созданы, режим *laisser-faire* может с тем же успехом приводить к анархии, что и централизованное планирование. Описанное Вальрасом равновесие достигается, когда постулирован принцип ценности, сводящий отношения человека к миру только к расчету максимума полезности потребленных благ.

Как подчеркивалось выше, этот принцип (дабы быть принятым всеми) негласно предполагает специфическую структуру общественных отношений, в которой доминируют объектные отношения, а отношения между субъектами основаны на безразличии друг к другу и на суверенитете при осуществлении выбора. Мы далеки от «спонтанного порядка», столь дорогого либеральным экономистам, и было бы нелепо видеть в теории общего равновесия доказательство способности к самоорганизации предоставленных самим себе сообществ. В крайнем случае вальрасианскую схему можно считать приемлемой картиной товарного хозяйства в стационарном состоянии, когда потребительные стоимости фиксированы, а правила игры полностью определены и никогда не оспариваются. Но она совершенно не применима, когда ставится задача понять логику обмена. В частности, в этой схеме нет никакой необходимости в существовании денег. Чему они могли бы служить в мире, где отношения между обменивающимися лицами полностью определяются принципом стоимости? Самое большое — облегчать сделки, как только определены отношения обмена. Отсюда понятно, почему вальрасианская теория общего равновесия, составляющая главный элемент современной экономической теории, рассматривает экономику без денег! Ход рассуждения, столь ценимый неовальрасианцами и состоящий в том, чтобы ввести деньги *ex post* как нечто облегчающее товарооборот (когда отношения обмена уже определены), доказывает глубокое непонимание ими феномена денег. Следует рассуждать совсем иначе: нельзя рассматривать обмен, неявно предполагая, что товарное общество уже сформировано. Следует порвать с теорией ценности и заменить ее анализом денег как процесса, благодаря которому товарные общества структурируются и приходят к устойчивому состоянию. Говоря схематично, экономисты привыкли рассматривать цену исходя из стоимости, в то время как ее основание нам надо искать в деньгах. «Стоимость *versus* деньги» — такова, на наш взгляд, основная теоретическая альтернатива¹².

---

¹² В разработке этого вопроса мы многим обязаны работам Бенетти и Картелье, уделивших ему много внимания. См., например, две следующие статьи Жана Картелье: Cartelir J. *Théorie de la valeur ou hétérodoxie monétaire: les termes d'un choix // Economie appliquée*. 1985. T. 38. N 1. P. 63—82; Idem. *La Monnaie. Du concept économique au rapport social // Sciences de la société*. 2001. N 52. P. 111—134. Отметим, что мы уже несколько раз

Действительно, исходить из независимых и суверенных субъектов значит осуждать себя на полное непонимание денег. *A contrario*, эту независимость и суверенность следует анализировать как следствие монетизации общества. Действительно, независимость и суверенность наблюдаются в тех особых обществах, где индивиды вступают между собой в отношения купли и продажи посредством денег. Можно было бы сказать то же самое о разрыве между объектами и субъектами или о производстве потребительных стоимостей. Иначе говоря, то, что неоклассическая теория выдвигает в качестве постулатов, есть как раз то, что истинная теория товарного обмена должна раскрыть. Все эти обменивающиеся лица — безразличные друг к другу, с упорядоченными желаниями, находящие полное удовлетворение в имеющихся товарах — составляют вопрос, а не ответ! Надо думать именно о возможности возникновения подобной социальной конфигурации, в то время как экономисты-ортодоксы поступают наоборот: они предполагают, что такая ситуация уже сложилась, и затем доказывают, что — в данных условиях — экономика стремится к социально эффективному равновесию. Но разве могло бы быть иначе, если все было сделано (постулировано), чтобы так и было?

Так, Вальрас рассуждает, взяв за отправную точку уже сложившееся общество. Нам представляется, что нужно поступать по-другому. Для общества с товарными отношениями вопрос заключается именно в том, как производятся потребительные стоимости, формируются независимые потребности и возникают суверенные индивиды. Ясно, что ответ на все эти вопросы выходит далеко за рамки настоящей книги. Но нам хотелось бы, по крайней мере, содействовать поиску ответа, сосредоточив внимание на проблеме денег. С одной стороны, по той причине, что проблема эта занимает центральное место в нашей исследовательской программе, ибо центральным процессом, в ходе которого формируется товарное общество, в ней признается процесс возникновения и распространения денег. С другой стороны, по той причине, что это даст нам возможность показать на примере, что данная исследовательская программа не является пустой утопией. Можно предложить убедительный анализ товарных институтов и их преобразований исходя из ограничен-

---

цитировали этих двух авторов и будем ссылаться на них и дальше. Это объясняется тем, что мы разделяем с ними многие убеждения, и прежде всего следующее центральное положение: деньги — это институт. В книге «*Marchands, salariat et capitalistes*» они предлагают формальную модель для осмысления этой центральной гипотезы. Ниже в этой и в следующей главах мы будем вынуждены несколько дистанцироваться от этой модели, что никак не умаляет факта глубокого совпадения наших подходов. Точек совпадения намного больше, чем точек расхождения.

ного числа гипотез. Чтобы решить эту задачу, надо отказаться от идеи стоимости (ценности) и исходить из самого обмена и содержащегося в нем насилия. Именно это сделал Маркс в первом томе «Капитала».

Действительно, когда Маркс начинает исследование элементарного отношения обмена, того, что он называет «простой или случайной формой стоимости» и обозначает ее $F1$, он, в отличие от Вальраса, встает на единственно возможную научную точку зрения, чтобы понять сам обмен, — на точку зрения обменивающихся лиц. Здесь у нас две точки зрения, на которые можно встать не одновременно, а последовательно, т.е. то, что Маркс называет эквивалентной формой стоимости в противовес относительной форме стоимости¹³. Действительно, рассматривая элементарное равенство « x товара A стоит у товара B », он пишет: «Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость... Вторым товар функционирует как *эквивалент*...»¹⁴ И он добавляет: «... один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»¹⁵. Когда встаешь на точку зрения одного отдельного обменивающегося лица, то другой выступает как некто отличный, а обмен становится асимметричным. Два асимметричных отношения не сводятся как по волшебству к одному-единственному симметричному отношению. Напротив, они исключают друг друга, поскольку каждое из двух обменивающихся лиц стремится навязать свой собственный товар как то, что позволяет приобрести товар другого. Это соперничество двух обменивающихся лиц в определении эквивалента может быть разрешено лишь благодаря наличию особого посредника — денег. Это центральная гипотеза настоящей книги. Необходимо понять, как соперничество, содержащееся в товарных отношениях, оказывается временно разрешенным в процессе возникновения третьего опосредствующего элемента — денег в соответствии с формами организации, о которых будет сказано ниже. Таким образом, обмен может быть лишь тройным отношением, ибо он должен постоянно «изгонять» насилие, подтверждая вновь и вновь легитимность опосредствующего этот обмен института.

Понятно, откуда проистекают фетишизм социальной субстанции, взятое из головы представление об однородном и зачарованность универсальным. Наблюдатель встает на точку зрения уже созданно-

---

¹³ Маркс К. Капитал. С. 57–72. На с. 65 он пишет: «Эквивалентная форма какого-либо товара есть... форма его непосредственной обмениваемости на другой товар».

¹⁴ Там же. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 58.

го института. Обмен, как его видят Вальрас и другие, — это двойное и симметричное отношение, потому что — под углом зрения третьего посредствующего звена — элементы, связанные посредничеством, принадлежат к одному и тому же целому, к одному и тому же уже существующему товарному пространству. Если мы забываем о процессе социализации, лежащем в основании этого пространства, то мы вынуждены рассматривать принадлежность к нему благ как факт, кажущийся естественным, как следствие уже существующей социальной субстанции, обеспечивающей однородность элементов. Но такая подмена не безвредна. Действительно, социализация порождает реальность, радикально отличающуюся от исходного соперничества, которое проявляется, когда мы последовательно принимаем точку зрения каждого обменивающегося лица, и результатом которого становится определение эквивалента. Принятие точки зрения института осуждает теоретика на рассмотрение общественных отношений только в их умиротворенной форме, в форме, преобразенной посредническим действием института. В этом случае от анализа ускользает процесс, созидающий эту институциональную новацию и принимаемые ею особые формы. Неоклассическая теория дала нам хорошую иллюстрацию такого хода мысли: как только постулировано совершенно упорядоченное социальное пространство, в котором каждый знает свою роль, то отношение между товарами легко может быть истолковано как результат соотношения полезностей, которые эти товары обеспечивают при их потреблении. Но такой подход полностью игнорирует процесс социализации, позволивший общественным отношениям принять данную определенную форму. Вот почему он становится источником постоянно повторяющихся ошибок в понимании реальности всеми теми, кто отождествляет эти специфические структуры экономики с естественным выражением товарной реальности.

Осмыслить деньги — значит отказаться от дихотомии «все или ничего»

Некоторые теоретики-неоклассики предлагают почти такой же анализ, что и мы. Как и мы, они считают, что совокупность вышеназванных гипотез (номенклатура благ, стабильность индивидуальных предпочтений и убывающая предельная полезность) имеет смысл только в рамках уже полностью сложившейся товарной экономики. К тому же они охотно допускают, что деньги играют основную роль в формиро-

вании такой экономики: они обеспечивают нормальный ход сделок и тем самым экономическую эффективность. Говоря о социальной субстанции, они полностью признают качественную особенность денег. Но их вывод очень отличен от нашего. Для них появление денег порождает радикальный разрыв между «до» и «после», и это вынуждает их различать два типа анализа: первый — диахронический — имеет дело с происхождением денег, второй — синхронический — с функционированием денежной экономики. И между этими типами анализа стоит непреодолимая стена. В их глазах тот факт, что экономическая теория не позволяет понять, как возникли деньги, не является каким-либо недостатком, поскольку они видят задачу экономической теории в анализе функционирования денежной экономики, а не процесса превращения экономики натурального обмена в денежную.

Один из представителей такого подхода — Пол Самуэльсон. Это несколько парадоксально, ибо он поддерживает в то же время идею нейтральности денег, согласно которой их количество в обращении никак не влияет на реальные переменные, например на уровень производства или занятости. Между тем он утверждает, что с содержательной точки зрения деньги играют существенную роль. Они — основополагающий институт рыночной экономики, без которого, как показали многие экономисты, сделки оказываются малоэффективными. «Как только благодаря формируются товарных структур, использующих деньги M , достигнут качественный скачок, количественный уровень M не имеет никакого значения»¹⁶. Так, исследуя деньги, Пол Самуэльсон последовательно рассматривает два временных ряда, которые резко отличаются друг от друга и никогда не влияют один на другой. Первый ряд имеет отношение к историческому процессу формирования денежного пространства. Второй — к синхронному функционированию рыночных экономик, когда деньги уже существуют. Во втором ряду деньги являются только инструментом в руках агентов, реально не влияя на их поведение. Отсюда несколько шизофреническая позиция: с одной стороны, торжественно заявляется о принципиальной важности денег, поскольку именно они делают возможным эффективное общение обменивающихся лиц; с другой, подчеркивается их предполагаемая нейтральность по отношению к информации, которую они передают! Такую же парадоксальную позицию мы обнаруживаем у теоретиков-монетаристов вроде Милтона Фридмена, которые выступают за то, чтобы денежная эмиссия сдерживалась правилами жестких ог-

---

¹⁶ Samuelson P.A. Classical and Neo-classical Monetary Theory // Monetary Theory / R.W. Clower (ed.). Penguin Education, 1973. P. 170—190.

раничений, доказывая вместе с тем, что реальная экономика никак не зависит от объема обращающихся денег.

Мы оспариваем эту двойственную позицию, когда диахронический анализ прямо противостоит анализу синхроническому, по той же самой причине, по которой мы ставили под сомнение структуралистский подход. На наш взгляд, проблема денег никогда не перестает быть актуальной: она всегда стоит на повестке дня. Деньги — даже в рамках совершенно зрелых экономик — должны постоянно доказывать свою легитимность, подтверждая лежащее в их основе доверие и борясь с беспрестанным появлением эмбриональных денег, ставящих под вопрос их монополию. Иначе говоря, деньги развиваются не из какого-то удаленного во времени начала, данного раз и навсегда, о котором бесполезно говорить, если мы интересуемся современным функционированием товарных экономик. Впрочем, дихотомия, которую отстаивают теоретики-ортодоксы вроде Пола Самуэльсона, особенно шокирует, как мы видели выше, тем, что предполагает два последовательных режима с прямо противоположными свойствами денег: деньги, играющие существенную роль на первом этапе, этапе возникновения, утрачивают затем какое-либо реальное значение в силу своей пресловутой нейтральности.

Можно, однако, отстаивать идею дихотомии, не соглашаясь с тезисом о нейтральности. Такова позиция некоторых неортодоксальных авторов, например Карло Бенетти и Жана Картелье. Их аргументация носит, по сути, логический характер. Они утверждают, что изучение любой социальной структуры предварительно требует четкого определения формирующих ее правил. Когда правила изменяются или преобразуются, возникает новая структура, требующая нового подхода. Этот чисто логический довод исключает возможность осмысления в одних и тех же рамках и функционирования денежной экономики, и возникновения денег в экономике, не имеющей их. «Изучение функционирования общества и его генезиса одним и тем же образом и в одном и том же русле... может привести к теоретической бесплодности»¹⁷. Аргумент не лишен убедительности: «Поскольку деньги... в таком случае понимались бы как результат иных общественных отношений, то политическая экономика растворилась бы сама собой в системе концептуального осмысления этого иного комплекса общественных отношений»¹⁸. Мы согласны с Жаном Картелье в том, что исторический процесс, который привел к возникновению денег и постепенному формированию современных де-

---

¹⁷ Cartelier J. Note sur «La Violence de la monnaie» // *Revue économique*. 1983. Т. 34. N 2. P. 400.

¹⁸ *Idem*. *Théorie de la valeur ou hétérodoxie monétaire: les termes d'un choix*. P. 76.

нежных экономик, относится не только к области экономического дискурса. Действительно, чтобы понять этот процесс, необходимо представить (осмыслить) общественные формы, предшествовавшие товарному обмену, понять как их слабые, так и сильные стороны, т.е. все то, что выходит за рамки экономической теории в строгом смысле. *A contrario*, теория, построить которую мы пытаемся в настоящей книге, имеет своим единственным предметом товарное отношение. Впрочем, как Карло Бенетти и Жан Картелье, мы полагаем, что не бывает товарного общества без денег. Однако те же самые идеи приводят нас к иной схеме. На их взгляд, допущение о неизбежно денежном характере товарных отношений приводит к утверждению о том, что любое убедительное описание экономики должно начинаться с выяснения ее денежных рамок. Исходя именно из этого и только из этого можно понять социализацию экономических видов деятельности.

Эти денежные рамки, формы которых изменяются с ходом истории (называемые также платежной системой), по мнению этих авторов, содержат, как минимум, три составляющие: общую счетную единицу, принцип создания денег и принцип расчетов (погашения остатков)¹⁹. В таком случае предполагается, что каждая экономическая единица, с одной стороны, сама определяет поток расходов, а с другой — находится в зависимости от прочих при определении потока своих доходов. Неравенство доходов и расходов, т.е. временное нарушение необходимости <contrainte> расчетов наличными, составляет то, что они называют «кризисом». Операции обращения разрешают кризис, обеспечивая формирование товарных субъектов двумя способами, а именно путем рекомпозиции и создания новых связей²⁰. Эти операции осуществляются при фиксированной денежной системе и ведут к аннулированию денежных остатков.

Наш анализ отличается от анализа Карло Бенетти и Жана Картелье тем, что в нем вводится возможность эндогенного изменения денежных правил. У них этого нет. Мы пришли к выводу о такой возможности, наблюдая экономические кризисы. В подобных ситуациях выявляется эндогенное изменение денежных правил либо через механизмы индексации, либо в форме спекуляции с деньгами, а то даже и путем отказа от денег при некоторых актах обмена. Наблюдается также появление новых «частичных» денег, вступающих в конкуренцию с существую-

---

¹⁹ Aglietta M., Cartelier J. *Ordre monétaire des économies de marché // La Monnaie souveraine* / M. Aglietta, A. Orléan (éds.). Paris: Editions Odile Jacob, 1998. P. 129—157.

²⁰ Для ознакомления с полным изложением этих вопросов см.: Benetti C., Cartelier J. *Op. cit.* P. 22—35.

щими деньгами. Эти сдвиги инициируются некоторыми социальными группами, стремящимися освободиться от денежных пут, которые они считают слишком для себя обременительными или противоречащими их интересам. Говоря более общим языком, вне этих фаз явного качественного разрыва и открытой конфликтности наблюдается постоянное колебание денежного правила между тем, что мы назовем ниже в главе V *централизацией* и *фракционированием*. Наша мысль состоит, таким образом, в том, что институциональная реальность денег претерпевает большие изменения. Грубо говоря, в нашей книге речь идет о возможности таких сдвигов в денежной сфере, т.е. такой динамики, при которой изменения затрагивают сам денежный режим.

Такая возможность исключается ортодоксальной экономической наукой, рассматривающей только экономику, в которой денежная система уже сложилась полностью. Институциональные рамки фиксированы раз и навсегда; рядом с n обычных товаров предполагается наличие принимаемого всеми денежного блага, выполняющего функции средства обращения, резервного средства и счетной единицы. Именно так определяется денежная экономика: к n рынкам вальрасианского общего равновесия добавляется новый рынок — денежный. Единственными денежными переменными, подверженными колебаниям, оказываются в таком случае только M — количество денег в обращении, и P — общий уровень цен. Денежная динамика сводится к игре этих двух переменных. Такой подход безразличен к институциональным колебаниям, которые считаются незначительными, а единственным существенным фактором становится объем денежной эмиссии. Все остальное в глазах экономиста несущественно. При таком подходе адаптация экономики к внешним воздействиям и внутренним нарушениям равновесия сводится только к изменениям (при постоянном M) цен на товары под действием конкурентных сил²¹. Мысль об адаптации, затрагивающей сами формы денег, отвергается в силу уже того факта, что здесь известны лишь два состояния: деньги либо есть, либо нет — они либо в полной мере обладают качеством денег, либо вообще ими не являются. Промежутка нет. Что касается последнего утверждения, то здесь можно отметить совпадение позиций ортодоксальных экономистов и позиции Карло Бенетти и Жана Картелье. Как мы видели, последние полагают, что деньги являются предварительным условием экономики и выяснение их сущности выходит за рамки экономической теории. Суть их аргументации состоит в утверждении, что в рамках одного и того же дискурса невоз-

---

²¹ Данные процессы, бесспорно, реальны. Но мы ставим под сомнение то, что они являются единственной формой адаптации в экономике. См. главу V.

можно рассматривать и происхождение феномена, и его функциональные характеристики. Или иначе: корректно осмыслить происхождение нормы можно только на языке этой нормы, так как она всегда неявно предполагает то, возникновение чего мы пытаемся осмыслить. Этот аргумент, кажущийся полным здравого смысла, не противостоит нашему теоретическому анализу, поскольку последний всегда ведется в рамках уже сложившейся товарной экономики, а ее историческое происхождение никак не затрагивается. Рассмотрим этот пункт.

Историческое происхождение денег versus теоретический генезис всеобщего эквивалента

То, что мы исследуем под названием «денежные формы», — это большее или меньшее распространение логики денежной эквивалентности, но никак не исторический процесс ее происхождения и формирования. Мы находимся в лоне экономики уже денежной и товарной, т.е. экономики, имеющей дело с числом, количеством. Здесь не может быть никакой двусмысленности: глава II, посвященная теоретическому исследованию денег и их свойств, не выходит за рамки товарного хозяйства. Мы нигде в этой главе не претендуем на раскрытие механизма его появления. Естественно, однако, что наше исследование, поскольку оно глубоко меняет общее понимание денежного феномена, привело нас к необходимости выявить характеристики хозяйств, предшествовавших нашему. Этому будет посвящена глава IV. В ней мы покажем, основываясь на положениях главы II, что деньги предшествуют товарному обществу.

Оригинальность нашей позиции, изложенной в главе II, состоит в признании того факта, что существующие денежные формы никогда не являются окончательно сформировавшимися. Понимание числа, счетной единицы, которая обязательна для всех и которой все подчиняются без возражений, является всего лишь особым переходным случаем. Чтобы пояснить это, рассмотрим основные денежные транзакции, а именно операции купли-продажи товаров. Их идеальное осуществление обеспечивается тремя функциями денег: счетной единицы (цены товаров заявлены в деньгах); средства обращения (приобретение товара предполагает передачу денег); резервного средства (денежная наличность хранится до будущей транзакции). Порядок, задаваемый денежным числом, идеален, когда ни одна из этих функций не страдает ни от какой двусмысленности. Эта идеальная конструкция и есть тот объект,

которым прежде всего интересуются как ортодоксальная теория, так и Карло Бенетти и Жан Картелье. Но, на наш взгляд, такая конфигурация может быть в лучшем случае лишь эфемерной. Поскольку денежная норма является принудительной для всех действующих лиц и влияет на их стратегии, ее постоянно пытаются обойти, чтобы ускользнуть от строгости ее закона: некоторые агенты могут попытаться установить более благоприятные для себя счетные единицы, могут отказаться от тезаврации денег или попытаться совершить обмен без использования денег, они могут также постараться ввести частные деньги. Осмыслить сущность денег — значит осмыслить возможность подобных попыток и их успеха, а также выявить те силы, которые противостоят «несогласным» и выступают за укрепление силы денег.

Классическая мысль о деньгах знает всего лишь два экономических состояния: деньги существуют или их нет. Отсюда понятно, почему — при таком подходе переход от одного состояния к другому трактуется как радикальное преобразование социальных связей и анализ этого преобразования оказывается вне сферы экономической теории. На наш взгляд, дело обстоит совсем не так. Деньги представляются нам по самой своей природе всегда незавершенными, всегда в процессе становления. Поэтому нас интересуют именно направления и характер эволюции денег. И эта проблема иная, нежели проблема происхождения денег. Эволюция денег может протекать в особых институциональных рамках, но она не предполагает радикального изменения принципов, управляющих общественными отношениями. Она всегда происходит в рамках экономики, остающейся товарной.

В нашей теоретической конструкции незавершенность денег является следствием принудительного (насильственного) характера товарных отношений, который всегда сохраняется. Возникновение всеми признанных денег означает не устранение насилия, а его внешнее закрепление, экстерииоризацию в посредническом принципе, суверенитете. Однако, по Жирару, точку зрения которого мы разделяем, суверенитет хрупок: он может быть ослаблен или разрушен. Породившее его единодушие может быть нарушено, могут возродиться конфликты, которые удавалось сдерживать. И тогда оказывается под вопросом претензия денег на радикальное отличие от финансовых активов и обычных товаров, отличие, лежащее в основе власти денег. Они должны соперничать с частичными деньгами, пытающимися их заменить.

Говоря иначе, деньги, на наш взгляд, не являются результатом добровольного согласия членов сообщества. Поскольку деньги чрезвычайно сильно ограничивают частные интересы, они являются сосредоточением беспрестанных конфликтов. Пользуясь марксистскими терминами,

мы бы сказали, что это общественное противоречие. Понять денежные отношения — значит понять неизбежно порождаемую деньгами игру противоположных сил, действующих в сторону централизации и фракционирования (дробления) и способных вызывать их изменение. Это значит, следовательно, понять механизм, эволюцию и набор метастабильных форм. В этом смысле предлагаемый нами анализ содержит, бесспорно, генетическую составляющую. Здесь читателю может помочь сравнение с теорией больших систем, которая показывает, что один и тот же комплекс элементарных взаимодействий может приводить к множеству возникающих структур. Исследуемая система переходит от одной структурной формы к другой в зависимости от воздействий, затрагивающих ее параметры. Так же обстоит дело с теоретической моделью, предлагаемой в следующей главе: инвариантный комплекс общественных отношений приводит к набору разных денежных форм.

Аглиетта, М. Деньги между насилием и доверием : [Текст] / Мишель Аглиетта, Андре Орлеан ; пер. с фр. И. А. Егорова; под науч. ред. Н. А. Макашевой. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. — 365, [3] с. — Библиогр.: с. 344—354. — Указ. общий: с. 355—365. — Перевод изд.: *La Monnaie entre violence et confiance* / Michel Aglietta et André Orléan. Paris, 2002. — 3000 экз. — ISBN 5-7598-0312-3 (в пер.).

Книга известных французских ученых посвящена одному из самых загадочных и в то же время самых обыденных экономических феноменов — деньгам. Деньги известны каждому. Но не так легко ответить даже на очень, казалось бы, простой вопрос: что такое деньги. Авторы пытаются это сделать, основываясь на понятиях миметического поведения, доверия и суверенитета. Они показывают ограниченность традиционных представлений о деньгах и теорий, связанных с подобными представлениями, обосновывают необходимость совершенно нового подхода, далеко выходящего за рамки собственно экономической науки. Обращаясь к истокам денег, авторы переосмысливают их эволюцию. Они также предлагают оригинальный взгляд на современную денежную систему, денежную политику, нетрадиционное понимание сути финансовых и банковских кризисов. Книга завершается рассмотрением самых современных платежных систем, особенностей ситуации, связанной с введением евро и оценкой перспектив международной валютно-финансовой системы.

Для экономистов, социологов, философов, студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также для всех интересующихся темой денег.

УДК 336.741.2
ББК 65.011.3

Научное издание

Аглиетта Мишель
Орлеан Андре

Деньги между насилием и доверием

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*

Редактор *Е.Н. Ростиславская*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Корректор *Е.Л. Качалова*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 03.08.2006 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 25,76.

Тираж 3000 экз. (1-й завод — 1500 экз.). Заказ № . Изд. № 500

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3

Тел./факс: (495) 772-95-71